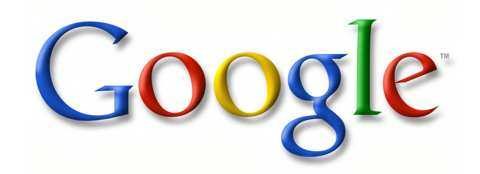
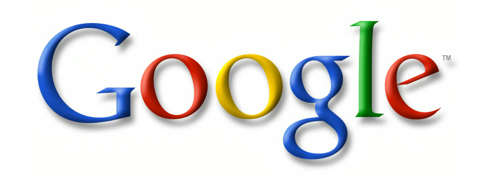

THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROX BY UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1963

Meshcherskii, Vladimir Petrovich, kniaz'.

Meshcherskii, Vladimir Petrovich.

КНЯЗЬ КЕМСКІЙ., pseud.

na Karenina pod nozhem kritiki.

ННА КАРЕНИНА

ПОДЪ НОЖЕМЪ КРИТИКИ.

(По поводу статей Громеки).

САНКПЕТЕРБУРГЪ.
рафія Товарищества „Общественная Польза", Б. Подъяческая, № 39.
1885.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Декабря 1885 года.

АННА КАРЕНИНА.

„Анна Каренина“ подъ ножемъ критики.

(По поводу статей Громеки.)

I.

Наша такъ называемая „интеллигенція“, обвиняя представителей руководящихъ сферъ и высшаго слоя общества въ безучастномъ будто бы отношеніи къ ея нуждамъ и требованіямъ роднаго края, словно забываетъ, что рой ея „унижаемыхъ кѣмъ-то и оскорбляемымъ за что-то“ сыновъ, наводнившихъ текущую литературу, ни единымъ живымъ и осмысленнымъ словомъ не позволяетъ себѣ обмолвиться о людяхъ издавна ненавистнаго круга. Чуть только рѣчь зайдетъ о нихъ, вскользь или прямо, сейчасъ же каждая строка дышетъ негодованіемъ, нравственнымъ отчужденіемъ, насмѣшкой и злословіемъ. Единовременно съ тѣмъ однако всякая вѣсть (слухъ и просто сплетня) жадно воспринимается, пережевывается и долгое время цѣнится какъ важный матеріалъ для различныхъ предположеній, выводовъ, характеристикъ и т. п. Близкое соприкосновеніе всевозможными путями съ болѣе или менѣе мутными источниками отрицатель-

ныхъ свѣдѣній въ концѣ концовъ только способствуетъ укорененію предвзятыхъ взглядовъ.

Такимъ образомъ, вырабатывается нѣчто странное, почти дикое. Вся русская *классическая* литература взросла на почвѣ того быта, взлелѣяна той средой, которыя для *стадно* читающей массы стали чѣмъ-то каррикатурно отжившимъ. Послѣдняя привѣтствуетъ и поглощаетъ лишь такія новѣйшія произведенія, гдѣ или выраженъ протестъ прежнему, или же слышится презрительно-неумѣлый, подчасъ даже наивный отзывъ о немъ.

Для поясненія моихъ словъ я обращусь къ одному изъ нагляднѣйшихъ современныхъ примѣровъ, именно къ ставшему почему то весьма популярнымъ критическому этюду М.С.Громеки, широковѣщательно затронувшему нѣсколько вопросовъ, достойныхъ вниманія. Самая постановка ихъ и размашистая увѣренность отвѣтовъ также стоятъ того, чтобы на нихъ остановиться, отчасти изъ-за ихъ типичности, отчасти ради сочувствія, съ которымъ ихъ встрѣтили *не только завѣдомые интеллигенты, но и люди безусловно порядочнаго круга*. Чему обрадовались первые,—понять не трудно, но какъ другіе могли и могутъ это одобрять,—осталось загадкой. Ну, развѣ же не удивительно, что ими читаются отмѣнно нелѣпыя характеристики, что безапелляціонность сужденій автора до-нельзя противна, и вдругъ въ результатѣ, съ ихъ стороны одобреніе, хвала, въ мірѣ же изданій—заявленія о распродажѣ первыхъ двухъ тысячъ экземпляровъ этюда? Значитъ, къ дѣлу примѣшанъ интересъ скандала, если книга въ ходу, если о ней говорятъ...

Таковой, дѣйствительно,—на лицо. Одно ужъ заглавіе „*По-*

слѣднія произведенія гр. Л. Толстаго" обѣщаетъ коснуться радикальныхъ сторонъ его антихудожественной дѣятельности. Вначалѣ Громека маскируетъ еще свою цѣль, анализируетъ (!) „Анну Каренину", но потомъ онъ круто переходитъ къ настоящему, пишетъ какъ бы послѣсловіе роману, передаетъ сущность новѣйшихъ измышленій поэта, измышленій, глядя на которыя истинные поклонники его генія нѣмѣютъ отъ стыда и сожалѣнія, а Пушкинская „чернь" гогочетъ отъ восторга. Авторъ этюда присоединяется къ сонму литературныхъ лжепочитателей: „мы всѣ такъ измучились отъ *силы* и *злобы*... Говорите теперь. Говорите уже безъ разсужденій, безъ анализовъ философскихъ, безъ самобичеваній..." [1]). Но, Боже мой, что же будетъ тогда? Вѣдь это путь къ пропасти! Не всѣ думаютъ о теперешнемъ Львѣ Толстомъ какъ Громека: „вы долго носились по житейскому морю, но инстинктъ тянулъ васъ къ берегу — вы его, наконецъ, достигли и лежите еще въ изнеможеніи, и усиленное дыханіе, усиленное біеніе сердца еще мѣшаютъ вамъ видѣть весь берегъ... Но вы, всетаки, уже спасены сами и знаете, что тянете за собою тысячи другихъ, которые бьются, тонутъ, изнемогаютъ, но, все пока надѣясь, отчаянно кричатъ вамъ, чтобы вы поскорѣе укрѣпили на берегу и бросили бы имъ веревку" [2]). Неправда-ли такое воззваніе безподобно? Тутъ и указаніе на то, что Толстой приблизился къ истинѣ, и упрекъ за невольно его охватывающее смущеніе, и подтвержденіе го-

---

[1]) См. стр. 226.
[2]) См. 221.

рестнаго факта, сколько молодыхъ умовъ сбито и сбивается съ дороги, благодаря проповѣди славнаго писателя. Громекѣ кажется слабымъ до сихъ поръ раздававшійся протестъ: „глубокую мысль нужно высказывать во всеоружіи ея свѣта, чтобы *тупоуміе, ничтожество, эгоизмъ и злоба окружающихъ васъ бездарностей* не смѣли ее судить, чтобы не замедлилось принятіе ея всѣми и въ такое время какъ теперь, когда въ ней одной лежитъ спасеніе отъ всеобщей вражды, междуусобій, войнъ, убійствъ, смертей голодныхъ и преступленій“ [1]).

Слова эти съ умысломъ приведены, такъ какъ по нимъ можно видѣть, къ какому соціально-политическому лагерю принадлежитъ громоздившій ихъ съ гражданскимъ мужествомъ, изъ чего въ свою очередь неуклонно слѣдуетъ, съ какимъ мѣриломъ онъ приступилъ къ своей задачѣ—разбирать „Анну Каренину“. Въ данномъ случаѣ для меня важно только послѣднее, потому что касаться безцензурныхъ думъ Толстаго, да еще въ транскрипціи Громеки представляется по меньшей мѣрѣ излишнимъ.

Что для него творецъ „Войны и мира“? Надо полагать, неизмѣримо большая величина съ точки зрѣнія русскаго интеллигента, если есть слѣдующая фраза: „у графа Толстаго (Громека его неукоснительно величаетъ графомъ) существуетъ нѣкоторая не то что связь, а *мостикъ, по которому желающіе могутъ перебраться къ Щедрину, другой вершинѣ русской мысли*“ [2]). Пишущій несомнѣнно перебирался по этому любопыт-

---

[1]) См. 213.
[2]) С. 98.

ному „мостику“ и для оцѣнки чисто *дворянскихъ* литературныхъ типовъ совершенствовался среди хамской брани нѣкоторыхъ „покойныхъ журналовъ“.

Хотя уже апріорно рѣшаешь, каковъ культурный обликъ такого обличающаго цѣнителя, нѣкоторыя данныя все-таки ярко рисуютъ степень его образованности, вообще уровень развитія тѣхъ передовыхъ лицъ, которыя отважно выступаютъ на арену писательской дѣятельности, имѣя въ запасѣ скудное число общеизвѣстныхъ европейскихъ именъ и безбрежный кругозоръ гимназиста VIII класса или студента I курса. Иначе нельзя отозваться о недозрѣлыхъ умахъ, которые нахо‿тятъ, желая пооригинальничать, будто „Милль, Контъ и Спенсеръ съ удивительной важностью“ говорятъ ребенку непростительныя глупости, будто „у нихъ огромныя претензіи на ходуляхъ изъ подгнившаго дерева“ [1]).

Едва-ли столь строгаго судью можно заподозрить въ близкомъ знакомствѣ съ выше-названными учеными. Будучи далекъ отъ сочувствія ихъ воззрѣніямъ, я все же долженъ сказать, что тотъ, кто прошелъ черезъ закаляющую школу ихъ умозрѣній и что-нибудь изъ нея вынесъ, никогда не отозвался бы о нихъ такъ легкомысленно изъ-за одного чувства благодарности, никогда не впалъ бы въ такой мальчишески задорный тонъ: „какъ ни страшно признаваться, что философію скотника Николая и Ѳедора подавальщика, Левина и его няни я считаю глубокомысленнѣе раціонализма „*Вѣстника Европы*“, совѣсть

---

[1]) С. 148.

насъ обязываетъ быть искренними. А такъ какъ мы, вѣроятно, навсегда уже потеряли этимъ признаніемъ уваженіе просвѣщеннаго читателя, то уже не чувствуемъ страха“ [1]) и т. д. и т. д.

Всякій, претендующій въ наше время на эфемерно-литературный блескъ, непремѣнно или самъ заводитъ рѣчь о какой-то идеѣ, которой онъ — носитель, или же выдумываетъ нѣчто подобное о комъ-нибудь съ громкой извѣстностью, *истолковываетъ* (?) *его* и, какъ самозванный сторонникъ, мечтаетъ погрѣться въ лучахъ чужой славы.

Толстаго у насъ оцѣнивали критики, вродѣ Н. Н. Страхова, до сихъ поръ съ изумленіемъ оцѣниваютъ на Западѣ — памятникъ ему, какъ художнику, давно созданъ въ душѣ каждаго русскаго: съ этой стороны, значитъ, нечего добавлять (развѣ только кто является съ новымъ, вѣщимъ словомъ!). Но затѣмъ остается область общихъ фразъ, богатствомъ которыхъ интеллигенты привыкли пользоваться безданно - безпошлинно, жонглируя которыми они строятъ что-то величественное съ виду, широкое по замыслу—туманно только немного и хитро сказано... Возьмите, напримѣръ, такое опредѣленіе: „Анна Каренина“ есть „исторія душевной эмансипаціи рефлектирующаго русскаго человѣка XIX столѣтія, такъ какъ тамъ выводится человѣкъ, воплощающій моментъ развитія общественнаго духа“ [2]). Если вамъ это кажется пустозвоннымъ, обратите вниманіе на глубокомысленныя изреченія автора по поводу того, чѣмъ послѣдній

---

[1]) С. 131.
[2]) С. 93.

романъ Толстаго замѣчателенъ: „*имѣетъ общественную идею*“ [1]). „Въ немъ слышится проповѣдь непосредственнаго воззрѣнія на жизнь“ [2]). Да откуда же Громека взялъ, что это присуще именно и исключительно Льву Толстому? Какой же настоящій художникъ не выражалъ этого? Какая поэзія мыслима безъ непосредственнаго воззрѣнія на жизнь? Что же такое творчество, если оно не есть неразрывное общеніе писателя съ обступающими его и ярко пламенѣющими образами?

Къ чему же прибѣгать къ мнимо-подходящимъ формуламъ: „цѣльное направленіе гр. Л. Толстаго можно назвать реакціоннымъ, но лишь въ смыслѣ не регрессивной реакціи, а прогрессивнаго воздѣйствія хотя и старыхъ, но законныхъ и истинныхъ началъ“ [3])? Тутъ, видите-ли, слышится затаенное недовольство эпохи ея разсудочнымъ міросозерцаніемъ. „Гартманъ у нѣмцевъ, Вл. Соловьевъ у насъ—еще очень одиночныя, но уже очень характерныя и знаменательныя явленія! Громекѣ спиритуалистическая философія въ концѣ XIX в. представляется чѣмъ-то чрезвычайно страннымъ, почти неслыханнымъ. Ему, вѣроятно, не извѣстно, что чистѣйшій спиритуализмъ никогда нигдѣ и не думалъ изсякать, что повсемѣстно знамя его гордо вѣяло среди натисковъ безвѣрія, что реакція законныхъ началъ вѣчно исходила изъ лона Церкви. И Гартманъ, и Вл. Соловьевъ выбраны крайне неудачно, просто по наслышкѣ: система перваго свидѣтельствуетъ о вырожденіи спиритуалистическаго пес-

---

1) С. 6.
2) С. 4.
3) С. 4.

симизма въ Германіи, служитъ ступенью къ новѣйшимъ натуралистическимъ бреднямъ; второй же всей своей дѣятельностію именно ратуетъ за то, чтобы общество очнулось отъ индифферентизма, чтобы свѣтомъ разума озарились тайники безгрѣшнаго чувства, чтобы въ борьбѣ съ темными силами зоркіе умы стали на *религіозно-философскую* точку зрѣнія.

II.

После того что умственная физіогномія Громеки нами слегка обрисована, приступимъ къ его критическому этюду объ „Аннѣ Карениной“. Разъ что незыблемо азбучно простое положеніе: писатель долженъ имѣть понятіе о томъ, о чемъ пишетъ, долженъ изучить ту атмосферу, въ которой движутся выводимыя имъ лица,—то же требованіе тѣмъ болѣе слѣдуетъ предъявить критику: знай, про что говоришь, разбирай лишь хорошо тебѣ извѣстное.

Если принять въ соображеніе великосвѣтскій колоритъ большинства произведеній Толстаго, какъ-то дико звучатъ въ устахъ его истолкователя отмѣнно пошлыя выраженія „шаткій компромиссъ“, „ординарная конфузливость“ и т. п. Это, конечно,—мелочи. Дальше будетъ хуже. Громека радуется, что романистъ его вводитъ въ свой чарующій міръ „безъ декоративныхъ машинъ“. Картины поражаютъ его „неожиданностью правды“. Причемъ тутъ однако неожиданность? Вѣдь не можетъ же человѣкъ съ происхожденіемъ и воспитаніемъ Толстаго сочинять тенденціозную ложь, затронувши то, въ чемъ и чѣмъ онъ жилъ?

Лицо, давшее заглавіе роману, выволакивается Громекой на первый планъ и вслѣдъ затѣмъ (horribile dictu) происходитъ нѣчто безобразное. Критикъ не знаетъ, какъ ему приступить къ своей жертвѣ (вблизи онъ, вѣроятно, и не видывалъ такой дамы!), становится даже сантиментальнымъ: „намъ кажется, что не Вронскій, а мы остановились и съ восхищеніемъ смотримъ на ея неспособную приглядѣться красоту". Отъ продолжительнаго смотрѣнія Громека мало по малу перестаетъ созерцать въ Карениной представительницу „изящно-безнравственнаго" круга, хочетъ въ ней обнажить душу женщины (вотъ тоже открытіе!) и кончаетъ тѣмъ, что говоритъ о ней исключительно какъ о самкѣ: „надъ всѣмъ въ ней преобладаетъ страстность темперамента на эстетически-чувственной основѣ" [1]). Когда Каренина впервые обратила вниманіе на своего избранника, половой „таинственный подборъ мгновенно совершился, маленькое зернышко чувства быстро упало на влажную и теплую почву и мгновенно пустило ростокъ" [2]). При новыхъ встрѣчахъ „зародышъ задвигался сильнѣе" [3]). „Главная пружина души Анны — чувственность. Она съ самаго начала не удовлетворена, а раздражена" [4]). „Изолированное влеченіе" толкаетъ ее едва-ли не къ первому приглянувшемуся самцу. Все это для критика весьма просто и ясно. Спинно-мозговые инстинкты—самое модное и под-

---

¹) С 7.
²) С. 9.
³) С. 10.
⁴) С. 20

ходящее объясненіе, когда суть драмы не понята. За ея подробностями онъ слѣдитъ, слѣдитъ даже тщательно, но, очевидно, на каждомъ шагу недоумѣвая, какъ относиться къ чередующимся событіямъ, какъ повести рѣчь о томъ или другомъ. Чѣмъ болѣе Громека углубляется въ романъ, тѣмъ сильнѣе онъ привыкаетъ рабски придерживаться симпатій и антипатій самаго Толстаго, тѣмъ безличнѣе дѣлаются его собственныя сужденія. Въ концѣ концовъ критикъ уже не анализируетъ и стремительно близится къ развязкѣ: „отъ неизбѣжности разбилась жизнь прелестнаго, жалкаго въ своей прелести существа, *и умерла милая Анна*, къ которой такъ хорошо идутъ слова романса:

Не называй ее небесной
И отъ земли не отнимай,
Въ ней міръ иной, но міръ прелестный... [1])

Ну, развѣ это не балаганъ? Развѣ передъ нами дѣйствительно выясненный женскій типъ, а не каррикатура, лишенная аттрибутовъ приличія?

Вникнуть въ романъ Толстаго способенъ только тотъ, кто сжился или органически связанъ съ творящимся тамъ, кто читаетъ между строками и богато настроеннымъ воображеніемъ дополняетъ намѣченное писателемъ. Надо встрѣтить, знать, живо помнить образъ, аналогичный Карениной и другимъ лицамъ, чтобы подвергнуть пересмотру и перебору послѣднее большое произведеніе Льва Толстаго. Пытливо и осмысленно всматривающій-

---

[1]) С. 20.

ся въ него съ мучительнымъ трепетомъ прослѣдить существованіе ея съ колыбели до смерти, представить себѣ какъ она, „чистая, въ померанцевыхъ цвѣтахъ, стояла въ церкви при вѣнчаніи“, какъ волны иной жизни размыли и затопили ея дѣвичій міръ, какъ въ беззащитно отданную на поруганье святыню семейнаго быта, въ силу господствующихъ внѣшнихъ условій, вѣчнымъ прибоемъ вторгались чуждые и вредоносные элементы, какъ они отуманили и загубили Каренину...

Если ужъ героинѣ такъ достается отъ Громеки, чего же ждать Вронскому! Во-первыхъ онъ — офицеръ, во-вторыхъ (что еще непростительнѣе)—блестящій гвардеецъ. Одного соціальнаго положенія его довольно, чтобы окончательно очернить его въ глазахъ высокомѣрнаго критика: „Вронскій—глянцовитый, голландскій огурецъ; такихъ въ Петербургѣ на машинѣ дѣлаютъ.“ Онъ съ самаго начала кажется отвратительнымъ. Громеку непріятно поражаютъ тѣ двѣсти рублей, которые гвардеецъ посылаетъ черезъ начальника станціи вдовѣ раздавленнаго сторожа: „*очевидно не изъ состраданія, а чтобы сдѣлать угодное Аннѣ.*“ Все недоразумѣніе тутъ заключается въ величинѣ суммы. Ну, пять, десять рублей на доброе дѣло пожертвовать можно безъ задней мысли, но *двѣсти, двѣсти!* Критикъ не въ состояніи объяснить это барскою щедростью, привычкой много и легко тратить, простымъ актомъ великодушія;—нѣтъ, надо грязными руками раскрыть человѣческую грудь и воскликнуть: „нашелъ, нашелъ! Одна только подлость имъ руководила, одно грубое плотское влеченіе и желаніе нравиться“.

Съ такимъ представленіемъ Громека ближе подступаетъ къ

Вронскому: „при завязкѣ романа у него упрямое стремленіе холодной воли—сдѣлать Анну своей любовницей". „Любовь для него была то же, что опасная охота, трудная скачка".

„Онъ любилъ въ ней не душу ея, а источникъ сильныхъ волненій, удесятеренныхъ опасностью интриги и остротой честолюбиваго чувства борьбы съ мнѣніемъ свѣта".

„Это былъ человѣкъ съ сильнымъ организмомъ, но безъ идеаловъ"... Повидимому, даже цвѣтущее здоровье ставится ему въ укоръ! „*Но*"—просто восхитительно, особенно при комментаріяхъ: „у него не было никакихъ политическихъ и общественныхъ идеаловъ, служеніе которымъ могло бы давать энергію, смыслъ и цѣль его дѣятельности и желанію власти. Власть была для него не средствомъ, а цѣлью, и даже не самая власть, обычная цѣль честолюбцевъ,—не она его привлекала—самый процессъ ея достиженія, возбужденное напряженіе всѣхъ чувствъ..." „Къ Китти онъ относится *изящно-безнравственно*" (!). „Онъ жилъ только для своего чувственнаго тѣла." „Вронскій ограниченъ и *безсодержательно-твердъ* (что за явное противорѣчіе!). Пріѣзжій принцъ, къ которому его приставили, былъ очень глупый и очень самоувѣренный, очень здоровый и очень чистоплотный человѣкъ; больше въ немъ ничего не было, кромѣ привычекъ внѣшней порядочности.—*Глупая говядина!*.. Неужели я такой?—думалъ Вронскій, вглядываясь въ свое непріятное зеркало. *И зеркало говорило ему совершенную правду*".

Мнѣ кажется, что дальше такой чудовищной нелѣпости некуда идти: если человѣкъ сознательно относится къ себѣ и сво-

имъ качествамъ, то это, значитъ, признакъ несознательнаго отношенія? Если я въ немъ вижу проблески пытливо всматривающагося ума, то это, значитъ, доказываетъ только, какъ онъ тупъ, какое онъ животное, что у него за идіотскія воззрѣнія?

Характеризуя Вронскаго, Громека проговорился отъ лица всѣхъ своихъ единомышленниковъ (имя же имъ легіонъ!): безпощаднѣе злобы и завистливаго презрѣнія, которыми дышатъ строки объ избранникѣ Карениной, ничего и представить себѣ нельзя. Передъ женскимъ непонятнымъ образомъ критикъ еще робѣлъ, оправдывалъ ее съ физіологической точки зрѣнія; подъ конецъ даже придумалъ ей пошлѣйшую эпитафію въ стихахъ; но тутъ, съ-глазу на-глазъ съ представителемъ столичной золотой молодежи, онъ уже исказившимся отъ бѣшенства голосомъ начинаетъ ему высчитывать его наслѣдственно-благопріобрѣтенныя вины: *во-первыхъ*, зачѣмъ всѣ его тѣлодвиженія, осанка, умѣніе съ достоинствомъ держать себя сдѣлали его баловнемъ внѣшняго счастія, заставили красавицу, очертя голову, пойдти къ нему и за нимъ, преклониться передъ его цѣльной и сильной натурой?

Во-вторыхъ, что эта за служба ради службы, даже безъ далекихъ или близкихъ честолюбивыхъ цѣлей; что это за упоеніе бѣгущими мгновеніями, погоня за призраками, кивающими съ вершины преградъ?

Въ-третьихъ, какъ можетъ человѣкъ въ наше высокопросвѣщенное время жить безъ какихъ-то (не говорится какихъ именно) общественныхъ и политическихъ идеаловъ?

Отвѣчу на вопросъ по пунктамъ. Толстой пристрастно су-

дить о Вронскомъ, относится къ нему со своей обычной разсудочной тенденціей; но это еще не даетъ права критику впадать въ такой же обидный тонъ резонёра. Художникъ, какъ бы тамъ ни было, какова бы тамъ ни была его предвзятая озлобленная мысль, твердымъ рѣзцемъ изваиваетъ передъ нами выразительный, полный жизни обликъ. Черты мужественнаго молодаго офицера такъ ясны и опредѣленны, такъ врѣзываются въ память каждаго, кто наслаждается твореніемъ Толстаго, что отдѣльныя злыя замѣчанія столь же мало вредятъ идеѣ романа, какъ пыль, легкимъ слоемъ ложащаяся на картины незабвенныхъ maestro. Я не стою ни за Вронскаго, ни противъ него, а беру его, какимъ онъ созданъ, какимъ ему необходимо быть среди смѣны явленій, всматриваюсь въ него съ большимъ участіемъ и любовью, потому что прозрѣваю за сдержанно-страстной оболочкой нѣчто установившееся, нѣчто испытанное въ горнилѣ внутренняго смятенія, на что можно всегда и вездѣ положиться.

Авторъ „Войны и мира" прошелъ черезъ ужасы и подвиги Крымской кампаніи, провелъ не одинъ достославный мѣсяцъ въ тѣсномъ и непрерывномъ общеніи съ людьми, которые клали или готовы были положить животъ свой за Царя и Россію. Здѣсь-то, ежеминутно чувствуя непосредственную близость смерти и видя, какъ ея крыло тѣнью покрывало окружающихъ, онъ вникнулъ въ душу русскаго человѣка, будь онъ солдатъ или главнокомандующій, вдохнулъ это пониманіе въ геніальнѣйшую эпопею, гдѣ вереницы разноплеменныхъ типовъ заполоняютъ своей глубокой правдой благоговѣйное вниманіе читателей.

*

Позже графъ Л. Н. Толстой прикоснулся творческимъ жезломъ къ другимъ сторонамъ, къ иной эпохѣ роднаго быта и пророчески начерталъ у заглавія: „*Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ*". Снова явились знакомыя лица, снова жизнь заструилась душеохватывающими волнами. Блѣдно и робко прозвенѣла въ яркой гармоніи новаго произведенія надорванная струна назрѣвающаго въ писателѣ умственнаго недуга. Геній такъ еще былъ бодръ и могучъ, что пробивающаяся мѣстами какая-то неестественная тенденціозность терялась изъ виду, забывалась, по мѣрѣ того что дѣйствіе развертывалось и разросталось вширь.

Настроеніе Толстаго, конечно, силилось накладывать темныя краски на многое, чего онъ касался въ романѣ,—напримѣръ, и на личность Вронскаго. Но тутъ-то и случилось нѣчто замѣчательное, громко свидѣтельствующее о томъ, насколько художественное творчество—независимо или мало зависимо отъ воли творящаго. Въ часы тайнодѣйствія — поэтическаго вдохновенія, когда сознаніе раздвинуло свои обычныя грани и властительныя тѣни выступили изъ мерцающей мглы незримо присутствующаго, болѣе полнаго міра, Толстой непроизвольно обрисовалъ молодаго гвардейца гораздо благороднѣе, гораздо прямѣе, чѣмъ самъ, вѣроятно, желалъ. Должно быть, въ немъ съ неудержимою силой проснулись и прорвались на свѣтъ Божій святыя воспоминанія о боевыхъ товарищахъ, объ ихъ качествахъ и т. п. Литературный типъ строго сложился изъ неустойчивой массы когда-то близко знакомыхъ лицъ.

Слѣпой критикъ рабски шелъ по муравьиной стезѣ тенденціи и довѣрчиво опирался на хрупкія сужденія не Толстаго-

художника, а Толстаго-человѣка. Оттого ему дикимъ казалось, что Каренина выбираетъ своимъ кумиромъ Вронскаго, субъекта, *который* не способенъ передъ ней позировать съ фразой моднаго стихоплета:

„Люби не меня, а идею“ (т. е. иначе: „я на себя никакихъ обязательствъ порядочнаго человѣка не накладываю“),

который, будучи охваченъ здоровою страстью, сосредоточиваетъ свои разбросанныя силы, посвоему жертвуетъ для нея, *по своему любитъ* и любитъ горячей любовью...

Громека не слыхалъ повидимому, что такіе именно люди съ открытою грудью водили полки, идя почти на вѣрную смерть, взрывали пороховые погреба при превосходствѣ непріятеля, боготворимы были подчиненными, однимъ словомъ—являлись воплощеніемъ того, что имѣло девизомъ: „noblesse oblige“, что служило родинѣ, ибо *дворянину надо служить*, что отличалось отсутствіемъ низкопробнаго честолюбія.

Укорять такого человѣка въ необладаніи общественными и политическими идеалами просто забавно. Каждый, кто въ рамкахъ своей частной жизни, даже цѣною пагубныхъ нравственныхъ страданій, покупаетъ соблюденіе *принятыхъ имъ отъ среды* правилъ рыцарской чести, кто, по примѣру предковъ, преданъ самодержавію, только съ динамитной точки зрѣнія есть „подлецъ-консерваторъ“.

Смѣю думать и утверждать, что люди, вродѣ Вронскаго, въ тяжелыя годины сложныхъ смутъ на Руси неизмѣримо были и будутъ полезнѣе тѣхъ безсчисленныхъ „брехунцевъ“ и „милостивыхъ государей“, которые наводнили собою все, начиная

отъ камеръ мировыхъ судей и кончая университетскими каѳедрами. Изъ одной глыбы изваянные люди дороги теперь именно потому, что, если, Боже упаси, времена станутъ еще тревожнѣе и вынудятъ трезвые элементы дружно сплотиться противъ общаго подпольнаго врага, у насъ останется надежда, что есть кому, по примѣру опричниковъ Грознаго, вымести крамолу изъ роднаго края.

III.

Отъ великаго до смѣшнаго — одинъ шагъ. Послѣ жаркой оппозиціи гвардейскому началу, Громека съ снисходительно-покровительственнымъ видомъ обращается къ Каренину: „онъ—человѣкъ *голой* воли и *голаго* разсудка, типическій образчикъ петербургскаго теоретика-бюрократа чистой крови; у него все разсчитано по часамъ, нѣтъ мѣста ни живой мысли, ни живому чувству, самая способность которыхъ въ Каренинѣ атрофирована. Разсужденія его поражаютъ эгоизмомъ". „Онъ жилъ въ своемъ *воображаемомъ бумажномъ мірѣ*" [1]).

Опять любопытно поучительная характеристика! Такимъ апріорно долженъ казаться всякій, восходящій по ступенямъ гражданской іерархіи, хотя бы онъ крѣпокъ былъ громадными и разносторонними свѣдѣніями, проявилъ государственный умъ... Такъ, и только такъ хочетъ судить о нашихъ дѣятеляхъ разношерстная толпа растрепанныхъ плэдистовъ и плэдистокъ, давшихъ обѣтъ не мыться въ теченіи долгаго времени, глухимъ басомъ и пискливо возглашающихъ: „*Этотъ уже казеннаго пирога отпдалъ*"! Они, конечно, привѣтствуютъ мудрую кни-

---

[1]) С. 8, 29, 30, 32 и т. д.

гу, гдѣ авторъ ни къ селу, ни къ городу вдругъ начинаетъ описывать какого-то извѣстнаго ему „дѣйствительнаго статскаго совѣтника“ (Dis moi qui tu hantes, et je te dirai qui tu es), который, „*сіяя звѣздами*“ (къ чему онѣ понадобились Громековскому остроумію?), кроткимъ голосомъ осуждалъ Анну“ [1]), потому что „давно забылъ про любовь и прощеніе: его богъ былъ богъ статскаго генерала, который для себя самъ есть вполнѣ удовлетворительный богъ, не имѣющій, однако, ничего общаго съ Богомъ христіанскаго человѣчества“ [2]).

Вотъ, по-истинѣ, оригинальная *profession de foi*!

Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слушать не хотимъ...

Бѣдный Лермонтовъ тогда и не думалъ, какое столпотвореніе грозило въ будущемъ его родной литературѣ.

Критикъ самъ признается, что „сочувствіе читателя (*интеллигента*?) явно на сторонѣ Анны; образъ мужа рисуется ему въ несимпатичномъ тонѣ. „Толстой также склоненъ осудить Каренина за его несчастіе“ [3]). Несмотря на сознаваемую нелѣпость такого совмѣстнаго отношенія къ честному отцу семейства (разъ что онъ — сановникъ, онъ теряетъ право на участіе), Громека, поразглагольствовавъ о томъ и семъ, начинаетъ свою травлю на „бюрократа“ и, помимо приведенной уже аттеста-

---

[1]) С. 61.
[2]) С. 62.
[3]) С. 33.

ція, какъ житель Огненной Земли на чудеса цивилизаціи, дивится на все въ мысляхъ и поступкахъ Каренина. Здѣсь разсужденія критика начинаютъ двоиться (его читателямъ есть отъ чего развести руками): „министръ Россіи“ съ „атрофированными чувствами“ единовременно и достойнѣйшій человѣкъ, и индивидумъ, „погибающій заслуженной нравственной смертью“, единовременно и олицетвореніе сердечной теплоты и милосердія: „онъ печется о незаконномъ ребенкѣ жены, пытается оставить ей золотой мостъ для возвращенія въ семью“ и черствый эгоистъ, пишущій женѣ „гладкое французское (о, ужасъ) письмо“, „гдѣ не говорилось о его дѣйствительныхъ, мелкихъ побужденіяхъ, но были красивыя слова“. Онъ кончаетъ писать, довольный „и слогомъ, и употребленіемъ красивыхъ и удобныхъ письменныхъ принадлежностей“.

Если-бы у насъ не хватались налету модныя теоріи, вродѣ обширнаго примѣненія физіологіи къ психологіи, современные сердцевѣды, художники и критики, не прибѣгали бы жадно къ ничего въ сущности не объясняющимъ толкованіямъ, воспроизводя и обсуждая широковолнистую смѣну жизненныхъ явленій. Но, увы! это есть. Даря насъ новымъ типомъ, формулируя новую характеристику, авторы услужливо прибавляютъ: „у этого атрофія воли, у этого—разсудка, у этого—чувствъ“. Къ счастью, могучее творчество отодвигаетъ на задній планъ излюбленный сверхштатный придатокъ и мы видимъ не каррикатуру, а правду... Каренинъ сидитъ въ тиши своего рабочаго кабинета. Въ его головѣ зрѣютъ плодотворные замыслы, его энергія тихо, но несокрушимо приближаетъ къ себѣ намѣчен-

ную цѣль, а въ сердцѣ у него между тѣмъ зловѣще подымается и ропщетъ прибой смятенія: измѣна любимой жены... сынъ, брошенный матерью... позоръ...

И грудь его судорожно сжимается, и бѣшенство готово проснуться въ этомъ крупномъ человѣкѣ, и мысли на минуту путаются... Но, мигъ одинъ! и онъ просвѣтленный сбрасываетъ съ себя путы колебанія: онъ понялъ, онъ простилъ, онъ искренно согласилъ и отождествилъ евангельскую заповѣдь со своимъ образомъ дѣйствій, онъ опять можетъ примиреннымъ вернуться къ многодумнымъ занятіямъ, нужнымъ Царю и Россіи.

Бумага все терпитъ. Громека пользовался этимъ, злобствуя относительно другихъ мужскихъ типовъ романа (только Левинъ, какъ и слѣдовало ожидать, поставленъ на недосягаемую высоту). Критикъ, точно ужаленный, отскакиваетъ отъ князя Серпуховскаго „съ его сіяніемъ успѣха и власти въ лицѣ, съ его аристократическою теоріею вліянія независимыхъ людей, по рожденію близкихъ солнцу" и амикошонствуетъ съ Облонскимъ. Вездѣ, при случаѣ, добавляя: *„хоть онъ и Рюрикова рода"*, Громека по косточкамъ разбираетъ „простаго, милаго, безалабернаго Стиву", называетъ его *„погибшимъ, но милымъ созданіемъ"* [1]) (послѣднее безподобно!)

Лишенный содержанія „критическій этюдъ о Л. Толстомъ" богатъ неисчерпаемымъ количествомъ курьезовъ. Такъ онъ наивно говоритъ: „Гр. Толстой водилъ насъ по такимъ мѣстамъ и возбуждалъ въ насъ такія настроенія, что, хотя намъ пріят-

---

[1]) С. 61.

но провести нѣсколько минутъ въ хорошенькой, розовенькой комнатѣ, съ маленькими и изящными куколками *vieux saxe*; хотя мы благодарны ему и за это новое художественное впечатлѣніе, но долго оставаться тамъ мы бы все-таки не могли. Намъ хочется выйдти поскорѣй изъ этого розоваго міра".

Клятвенно завѣряю автора и его приверженцевъ, что онъ тамъ и не былъ, что ни одинъ швейцаръ не пропустилъ бы его въ тѣ покои, гдѣ онъ въ мечтахъ столь безцеремонно разваливается на креслахъ, зоветъ хозяекъ прямо по имени и т. д.

Невольно приходитъ мнѣ на память анекдотъ про современнаго французскаго беллетриста. Онъ описывалъ мрачными красками общественное положеніе временъ Second Empire, причемъ ареною дѣйствія нерѣдко былъ императорскій дворецъ;—романы нравились публикѣ, ихъ раскупали, успѣхъ автора быстро росъ. Послѣ войны съ Германіей и передрягъ коммуны писатель отправился посмотрѣть описанныя имъ залы. Обходя ихъ, онъ ударялъ себя по лбу и восклицалъ: „будь я тутъ раньше, описанія вышли бы совершенно иными".

Эпизодъ этотъ въ сильнѣйшей мѣрѣ примѣнимъ къ воплямъ интеллигентовъ о затхлой атмосферѣ, въ которой живетъ великосвѣтское общество.

Оно, по словамъ Громеки,—исключительно воплощеніе порока и преступленія. Вводя читателей въ его бытъ, Толстой заставляетъ ихъ бродить „среди мрака башни стариннаго замка, обреченной на развалины" [1]), среди „худшей области жизни",

---

[1]) С. 77.

въ кругу, которому „чуждо сознаніе истины, добра и Бога", который „преслѣдуетъ лишь одну цѣль—легкаго, *веселаго* (!) и тонкаго наслажденія, гдѣ всѣ сдѣланы изъ одного и того же тѣста" [1]). Праведники „изъ лучшей области жизни" съ грозящею дланью должны отшатнуться передъ нравственнымъ растлѣніемъ высшихъ слоевъ, тѣмъ болѣе что художникъ, рисуя столь безотрадныя, *гнусныя* картины, воздвигъ среди общей скверны нѣкій образъ, лучъ свѣта въ темномъ царствѣ, а критикъ *канонизируетъ* [2]) идеалъ (?!) Толстаго: „въ романѣ чуть-чуть мелькаетъ одно лицо, на которомъ *графъ какъ будто стыдится* останавливаться подробно и долго. *Это очень, очень жаль*, потому что почти незамѣтно пріотворенная дверь, изъ-за которой рѣдко и на мгновенье виднѣется вдали мелькающій образъ, эта *отдаленная дверь ведетъ въ лучшія комнаты дома*, въ лучшую часть души человѣка, гдѣ рождаются самые чистые и высокіе звуки поэзіи гр. Толстаго. Художникъ какъ будто не рѣшается ввести въ свою *патріархальную, но все же аристократическую* (*уловите здѣсь связь!*) гостиную: тамъ сидятъ Долли, Анна и Китти въ *сложномъ* платьи и въ розовыхъ туфляхъ, *веселящихъ ножку*. Графъ какъ будто *конфузится* привести туда и *посадить съ ними рядомъ* ту самую женщину, которую Николай Левинъ взялъ изъ „дома", защитилъ *отъ полиціи, желавшей ее возвратить обратно*" [3]).

Громекѣ мало было съ ожесточеніемъ напасть на мужской

---

[1]) С. 92, 211, 220 и т. д.
[2]) С. 76.
[3]) С. 73–75.

элементъ „high life“ 'а, начертать на своемъ игрушечномъ знамени стихъ недавно прославленнаго интеллигентами молодаго поэта:

Ненавижу я сытыхъ людей,

негодованіе влекло дальше—и ушаты помоевъ выливаются на матерей, сестеръ, женъ и дочерей разныхъ Вронскихъ, Карениныхъ и другихъ.

„Левинъ въ присутствіи Маріи Николаевны разрывается отъ страха (!) за *сахарную чистоту своей изящной куколки*—Китти, тогда какъ первая надѣлена качествами, *возвышающими ее надъ всѣми женщинами романа*. Она бы и сама къ нимъ не пошла *въ школу безкровно-холоднаго разврата съ лакеями всѣхъ сортовъ*, не имѣла бы духу досидѣть до конца. *Настоящее этихъ женщинъ—безспорно хуже ея прошлаго*. При видѣ ихъ, на верху земнаго могущества *заливающихъ грязью, безъ борьбы и стыда, послѣдніе обрывки человѣческаго достоинства, при видѣ этого отребья*, она ужаснулась бы за всю *человѣческую породу*, отъ блестящаго паркета, изъ благовоннаго покоя съ восторгомъ вернулась бы въ зловонную комнату московскихъ номеровъ въ грязную гостинницу губернскаго города.......“ [1]).

Подобно тому, какъ Громека благодаренъ Толстому за эстетическое наслажденіе, но изнываетъ въ изображаемыхъ имъ благолѣпныхъ вертепахъ, и мы благодарны критику за то, что онъ

---

[1]) С. 74, 75.

высказался безъ обиняковъ, но не можемъ преодолѣть чувства брезгливости, читая безсовѣстный вздоръ, которымъ изобилуетъ его книга.

Прежде всего спросимъ: если порча ненавистной Громекѣ среды дѣйствительно такъ велика и неисцѣлима, если консервативнѣйшее начало послѣдней — женщина въ самомъ широкомъ и святомъ смыслѣ слова — есть или куцая насѣдка, или соперница Мессалины, откуда же у него хватило зиждительныхъ силъ подарить родинѣ и, по мѣрѣ возможности, взлелѣять все то, что даже для интеллигентовъ составляетъ предметъ справедливой національной гордости?

Почему изъ зараженныхъ родниковъ бьетъ прозрачная, подчасъ даже цѣлебная вода?

Какими судьбами самъ Л. Н. Толстой, продуктъ этой общественной гангрены, могъ стать геніальнѣйшимъ художникомъ, т. е. глашатаемъ всего возвышеннаго, если вокругъ властвуетъ „оригинальный кодексъ приличія, замѣняющій нравственность“ [1]), если кровными узами съ нимъ связанныя лица „поклоняются лишь случаю, вынесшему ихъ на поверхность теченія“ [2])?

Разсужденія Громеки, будто творецъ „Анны Карениной“ тѣмъ-то и крѣпокъ, что *среди своихъ* онъ всегда чувствовалъ себя одинокимъ, что они его не понимали и т. д. крайне натянуты. „Вы забыли, что сталкивались *съ трудовыми и хоро-*

---

[1]) С. 21.
[2]) С. 211.

